что в своей основе она представляет отклик на события 1237 г., хотя, быть может, в ней отложились и более поздние исторические впечатления. В вариантах песни, дошедших до нас в поздних записях, есть анахронизмы. Так, город, подвергшийся опустошению, называется Казанью. Но Казань, вошедшая с XVI в. в состав Московского государства, вражеским нашествиям не подвергалась; по-видимому, здесь мы имеем дело с обычной для северных сказителей эпической заменой одного города другим: упоминание Казани и Рязани рядом как эпических городов обычно в былинах:

А ведь Казань ёны как огнем жгали́,
А ведь Рязань ли во полон брали́;

Проехал я Турецию и Швецию,
Казань, и Рязань, и Вострахань.

Эпитеты «старая» и «подлесная», встречающиеся в песне, более соответствуют Рязани (с эпитетом «старая» Рязань упоминается также в песне «Атаман польской»: «Сборник Кирши Данилова», № 53). В имени царя Бахмета, может быть, есть отголоски имени хана Ахмета, разорившего Рязань в 1472 г. Наименование этого царя турецким и земли турецкой отражает, видимо, влияние фольклора XVII—XVIII вв. с сильно развитой в нем турецкой темой.

Анахронизмы не коснулись ни сюжета песни в целом, ни ее фабулы.

Анализ сюжета обнаруживает связь песни с событиями XIII в., но эта связь своеобразна: рядом с художественно обобщенной и по-своему достоверной картиной разгрома, которому подверглась Рязань в 1237 г., основное место в песне занимает вполне вымышленный рассказ о подвиге простой русской женщины.

Песня начинается изображением вражеского нашествия и его страшных последствий для города:

Славные старые король Бахмет турецкие,
Воевал он на землю Российскую,
Добывал он старые Казань-город подлесные.
Он-де стоял под городом
Со своей силой-армией.
Много поры этой было, времени,
Да й разорил Казань-город подлесные,
Разорил Казань-де-город на́пусто.
Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
Да и княгинь-боярыней
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу многи тысячи,
Он повел-де в свою землю турецкую.[4]

Описание это сразу же напоминает картины татарского нашествия в былинах, но с одной существенной разницей: в былинах татарский царь грозит разорить город, уничтожить князей-бояр, увести в плен народ; но его угрозы не осуществляются: появляется богатырь, который спасает город и отбивает нашествие. Песня об Авдотье Рязаночке принципиально отличается от былин прежде всего тем, что в ней воссоздается действи-

Исторические песни, издание второе. Л., 1951 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 11; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учебник для вузов, издание пятое. М., 1953, стр. 260; Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие для вузов. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 271 (автор главы — П. Ухов); В. И. Чичеров. Русские исторические песни. — В кн.: Исторические песни, издание третье. Л., 1956 (Библиотека поэта. Малая серия), стр. 11, 361—362.

[4] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. III, стр. 370.